

Матвей Гейзер

АК-КЕРМАН в переводе с турецкого обозначает «Белый камень», однако слово «белый» в его названии появилось задолго до турок — половцы именовали город Аклиба, римляне — Алба-Юлия, молдаване — Четате-Альба; со времен летописей Нестора он упоминается как Белгород.

Все это чрезвычайно интересно для историка и краеведа, но, как бы ни называли город его строители и завоеватели, в веках он останется навсегда Аккерманом именно потому, что так называл его Пушкин:

*Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана...*

Эти строки долго еще будут передаваться из поколения в поколение. Пушкин запечатлел в памяти читателей и древнее название этого края (не Бессарабия, а именно Буджак, Буджакские степи), и имя города, который, несмотря на краткость посещения, произвел на него сильное впечатление. Любопытно, что в черновых вариантах этого фрагмента «Цыган» Пушкин подчеркивает слово «белый»: «Когда под властью султана // Белели степи Ак-

диру Андрею Григорьевичу Непенину <...> и поспели к самому обеду, где Пушкин встретил своего петербургского знакомого подполковника Кюрто, <...> месяца за два назначенного комендантом Аккерманского замка <...> Обед кончился поздно, идти в замок было уже незачем, к тому же было и снежно, дождливо.

Вечер проведен был очень весело. Старик Кюрто, француз, был презабавен. Об Овидии не было и помину. Кюрто звал всех на другой день к себе обедать».

«Вечер проведен был очень весело...»; единственным огорчением была ошибка хозяина дома, принявшего поэта за его дядю, известного в те годы литератора Василия Пушкина, и приписавшего ему одно из сочинений последнего. Иван Петрович рассказывает, что Пушкин долго не мог успокоиться и, уже ложась спать в отведенной гостям комнате, все повторял: «Как же полковник, и еще георгиевский кавалер, не мог сообразить моих лет с появлением рассказа!»

На второй день Липранди ушел из дома рано и, вернувшись к полудню, Пушкина уже не застал — его увел Кюрто осматривать крепость. О таком «экскурсоводе» можно было только мечтать; о таком «экскурсante» — тем более. Кюрто углублялся в историю крепости, рассказывал немало связанных с нею легенд, былей, небылиц... Пушкин засы-

будь срезать (в штос); звонкий его смех слышен был во всех углах. Далеко за полночь возвратились мы домой».

Наверняка речи об Овидии не было и на обеде у Кюрто. Да и мог ли Пушкин вести речь об Овидии в такой обстановке? Уверен, однако, что с Овидием в те дни он вел разговор постоянно, а уж в аккерманской крепости, взирая на Овидиополь и Роксоланы, — безусловно.

Третий день в Аккермане был посвящен поездке обоих путешественников в деревню Шабо, расположенную тремя верстами южнее от города. Там жил знаменитый Липранди швейцарец Тардан — основатель колонии и крупного виноградарского хозяйства. Существует легенда, что по дороге туда они повстречали цыганский табір, провели там некоторое время, разговаривали со многими цыганами, и это было одним из ярких впечатлений, отразившихся потом в поэме «Цыганы». И не только легенда — один из самых выдающихся пушкинистов Томашевский пишет, что Пушкин встречался с цыганскими таборами и знакомился с бытом цыган во время поездки по Бессарабии в декабре 1821 (!) и в январе 1824 г.». Однако здесь приходится больше верить Липранди, который писал воспоминания, сверяясь со своим дневником: цыган они в тот день не видели и общались лишь с Тарданом, который очень ему

ПУШКИН В АККЕРМАНЕ

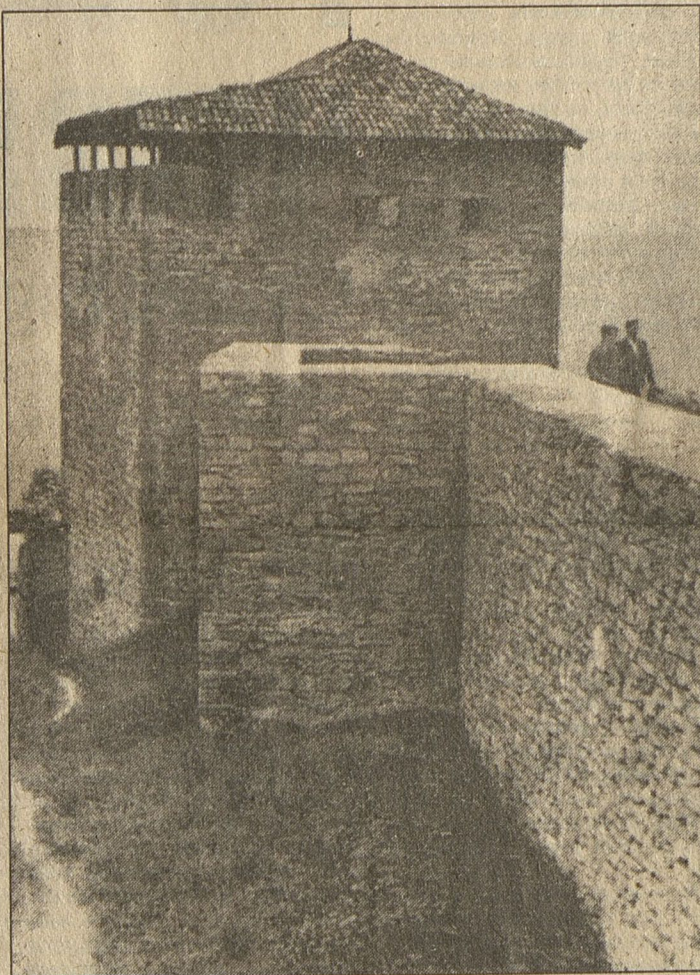
Три дня из жизни поэта

кермана...»; затем изменяет на «Белели башни Аккермана»; новое изменение: «Сады белели Аккермана...»

«Минуй нас пуше всех печалей и барский гнев, и барская любовь» — в России это всегда звучало особенно актуально. Как известно, прелесть царской любви Пушкин познал рано — уже в 1820 году император Александр обратил на него свое высокое внимание. «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает...» — писал он Энгельгардту, директору Царскосельского лицея. От ссылки в Сибирь Пушкина спасли Карамзин, Жуковский, Чаадаев, да и сам Энгельгардт, ходатайствовавшие перед царем об облегчении участи поэта. И Пушкин в самом начале мая 1821 года был выслан на юг, в Кишинев, со следующим предписанием: «По указу Его Величества государя императора Александра Павловича, самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, показатель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к Главному попечителю колонистов Южного края России, г. генерал-лейтенанту Инзову...»

Иван Никитич Инзов, человек просвещенный, масон, отнесся к Пушкину доброжелательно, прощал ему многие вольности и обычно не препятствовал путешествиям по южному краю. Пушкин, с его жаждой новых впечатлений, неумным желанием самому увидеть новые места, пользовался для этого любым поводом. В середине декабря 1821 года, узнав, что подполковник Липранди, ставший к тому времени одним из его близких кишиневских приятелей, едет в Измаил и Аккерман, Пушкин приложил все усилия, дабы сопутствовать ему. В этой поездке был для него особый смысл. Аккерман считался местом ссылки Публия Овидия Назона — одного из любимейших поэтов Пушкина еще со времен лицей, вернее, не сам Аккерман, а расположенная на противоположном берегу Днестровского лимана деревня Роксоланы близ города Овидиополя, названного, как полагают, в память о великом римском поэте. «Отправляясь» у Инзова в Аккерман, Пушкин выдвинул именно этот предлог, хотя сам он уже тогда прекрасно знал, что ни в этом городе, ни вообще в Бессарабии Овидий никогда не был. («Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно назначает местом своего пребывания город Томы при самом устье Дуная...» — напишет он буквально через несколько дней после посещения Аккермана в примечаниях к беловой рукописи своего знаменитого стихотворения «К Овидию».) Но даже существование легенды, связывающей имя Овидия с Аккерманом, явилось более чем достаточным поводом для Пушкина, чтобы так стремиться побывать в этих местах. Быть может, именно этой поездке мы обязаны появлением строк, посвященных Назону в «Евгении Онегине», многого в «Цыганах», послания «Баратынскому из Бессарабии» и прежде всего — без сомнения — стихотворения «К Овидию».

Ехали через Бендеры и Каушаны; Пушкин, знавший историю этих мест, по свидетельству его спутника, смотрел вокруг с огромным интересом, пытаясь найти следы «старинны глубокой» особенно в Каушанах, бывшей столице правителей Буджака. В Аккермане прибыли в середине дня. Вот несколько строк из воспоминаний Ивана Петровича Липранди: «В Аккермане мы захватили прямо к полковому коман-

Башня аккерманской крепости.

пал его вопросами. Крепость намного моложе города, но и ей уже около тысячи лет. Пушкин и Кюрто ходили по ней вдоль и поперек, поднимались на ее мощные стены, осматривали застрявшие в них старинные чугунные ядра — свидетельства боев за Аккерман. Они спустились в окружавший крепость ров, удивляясь его глубине (он был вырыт на три метра ниже уровня лимана), по истертым полуразвалившимся ступенькам поднимались на башню. В юго-западной части крепости возвышается над всеми необычная восьмигранная башня, под которой, по преданию, находилось обширное подземелье. Башня эта носит имя Овидия. Когда она получила это название — неизвестно, но с ней связано особенно много старинных легенд и преданий. Кстати, само посещение Пушкиным крепости породило в Аккермане множество новых легенд, передаваемых из поколения в поколение. Старые аккерманцы говорили мне, что Овидиева башня была названа так после пребывания Пушкина в их городе. Среди них сохранилось немало свидетельств и преданий о том, что Пушкин именно с этой башни любовался на лиман, на другом берегу которого были видны низенькие приземистые домики Овидиополя. Неподдалеку от Овидиевой башни, в той же части крепости, находится четырехгранная башня, на которую Пушкин также поднимался. Мы не знаем, кто первый назвал ее Пушкинской, но со времени посещения поэтом Аккермана имя это прочно закрепилось за ней. Рассказывают, что Кюрто с трудом увел Пушкина из крепости, но их ждали к обеду.

Об обеде в доме Кюрто пишет в своих воспоминаниях Иван Петрович Липранди: «Все обедавшие не прочь были, как говорится, погулять, и хозяин подавал пример гостям своим. Пушкин то любезничал с пятью здоровенными и не первой уже молодости дочерьми хозяина, которых он увидел в первый раз, то подходил к столикам, на которых играли в вист, и, как охотник, держал пари, то брал свободную колоду и, стоя у стола, предлагал кому-ни-

попавшийся, а Пушкин Тардану, удовлетворявшему бесчисленным вопросам моего спутника. Мы пробыли часа два и взяли Тардана с собой обедать к Непенину...»

Обедом у Непенина закончились три дня в Аккермане, и вечером путешественники отбыли в сторону Измаила. «До Татар-Бунара не было между нами произнесено имени Овидия, хотя разговор не умолкал...» — пишет Липранди. Между тем огромная внутренняя работа уже шла; да и не только внутренняя — тот же Липранди упоминает, что Пушкин много сидел над какими-то листками бумаги, а также высказывал сожаление, что не взял с собой тома Овидия. Пушкина потрясла эта поездка, и лучшее свидетельство тому — написанное сразу же после нее одно из величайших творений поэта, стихотворение «К Овидию». Датировано оно 26 декабря 1821 года. Это беседа одного гения с другим, и здесь уж ни время, ни расстояние, ни точное место ссылки ничего не значат:

*Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их.
Изгнанник самовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил*

Страну, где грустный век ты некогда влачил.

Стихотворение «К Овидию» было чрезвычайно дорого Пушкину. Все исследователи отмечали явно автобиографический характер его; да это и невозможно не заметить. Сам Пушкин в письме к брату в январе 1823 года так охарактеризовал это свое произведение: «Каковы стихи к Овидию? Душа моя, и Руслан, и Пленник, и все дрян в сравнении с ними». И такое стихотворение могло не появиться, не будь этих трех дней в Аккермане! Истории было угодно, чтобы старая крепость в Аккермане навсегда соединила два великих имени, между которыми пролегли века, — Пушкин и Овидий. Есть у Овидия стихи: «Ранее или позднее — в одну мы гавань прибудем». Быть может, что башни Овидия и Пушкина над Днестровским лиманом и есть та самая гавань.